

Отела в снегу

Рождество никогда
не было таким жарким.

АЛЕКСА РАЙЛИ

VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY

Данная книга
предназначена только для
предварительного
ознакомления! Просим вас
удалить этот файл с
жесткого диска после
прочтения. Спасибо.

Алекса Райли
«Омела в снегу»

Отела в снегу

Рождество никогда
не было таким жарким.

АЛЕКСА РАЙЛИ

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Оригинальное название: *Alexa Riley*
«Snow and Mistletoe», 2015
Алекса Райли «Омела в снегу», 2017
Переводчик: *Екатерина Шевчук,*
Лела Афтенко-Аллахвердиева,
Иванна Иванова, Екатерина Качур,
Юлия Кашко, Олена Дрозд.
Вычитка: *Лела Афтенко-*
Аллахвердиева
Обложка: *Врединка Тм*
Перевод группы:
http://vk.com/fashionable_library

Любое копирование и
распространение
ЗАПРЕЩЕНО!

*Пожалуйста, уважайте
чужой труд!*

Оглавление

Алекса Райли

Любое копирование и распространение
ЗАПРЕЩЕНО!

Аннотация.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

[Глава 7.](#)

[Глава 8.](#)

[Глава 9.](#)

[Глава 10.](#)

[Эпилог.](#)

Аннотация.

Голос Ноэль очаровал Алекса, и она стала его величайшим наваждением. С тех пор, как он нанял её озвучивать аудиокниги, её голос — это единственное, что делает его одинокий мир сносным. Слава Богу, она никогда не видела его. Ведь шрамы лишь спугнули бы её.

Алекс украшает каждую фантазию Ноэль после того, как она

впервые услышала его голос по телефону, а чтение образцов эротической литературы для него только подогревает её желание. Слышать его голос на другом конце провода — лучшая часть её дня, и она готова на всё, лишь бы угодить ему.

В канун Рождества, преодолев свирепствующую метель, Ноэль отправляется на поиски своего нелюдимого босса. Когда она оказывается в его доме без возможности выбраться, есть лишь один способ согреться.

Предупреждение: это
сладчайшая и банальнейшая

рождественская новелла на все времена! Она полна ночных откровений, порочных поступков и любви на всю жизнь. В том случае, если вы любите эту пору, у меня есть для вас кое-что бодрящее!

Глава 1.

Ноэль

— Пожалуйста, — молила она.

— Мне нужно сейчас же почувствовать тебя внутри. Прошло столько времени, — взывала Аннабель к Сэму, прежде чем взять дело в собственные руки, схватить его твёрдый член и направить в свою влажную киску. Желая вновь

сделать их единым целым, желая
быть неотделимой от
единственного мужчины на свете,
которого она любила. И когда-либо
полюбит.

— Я дарю тебе всё, что ты
пожелаешь. Только дай мне то, чего
хочу я, — потребовал Сэм, несколько
отстраняясь от неё и головкой члена
едва ли касаясь её входа.

Она знала, чего он хотел, да и
устала бороться с этими
чувствами. Она найдёт способ,
чтобы у них всё срослось, какими бы
разными ни были их миры.

— Я люблю тебя. Только тебя, —
она сказала ему те слова, которые

он хотел услышать, потому что те были правдой. Она чувствовала это в глубине своей души.

Сэмуэль ворвался в её приветствующее тело членом, изголодавшимся по ней ровно столько же, сколько и он сам.

Затруднённое дыхание, слышимое в трубке, отвлекает меня от моего повествования.

— Мистер Локвуд, вы в порядке?

— Алекс, — ворчит он, похоже, раздражённый на меня. — Скажи это.

— Алекс, — шепчу я.

Он поправлял меня уже несколько месяцев, но я по какой-то

причине неизменно продолжаю называть его мистером Локвудом. Это напоминает мне о том, что он не друг, с которым я болтаю по телефону. Он клиент — не более, и неважно, что нащёптывают мне мои ночные фантазии.

До меня доносится фыркание, а потом на линии повисает тишина. Не удивлюсь, если он злится на меня, отчего я мысленно себя проклиная. У меня была стабильная работа до тех пор, пока я не начала начитывать книги для его компании «Всё для Вас», но с постоянными предложениями большего количества проектов от него он оставался моим

единственным клиентом вот уже два месяца. Звучит глупо, да и я уверена, что могу получить ещё больше проектов в других странах, но мне нравится работать на него. Он со многим управляется несколько иначе, чем большинство клиентов, с которыми я работала, но мне нравится такой его подход. Видимо, мне по душе множество мелочей в Алексее, хоть я очень мало знаю о нём.

Тишина повисает в воздухе, пока я жду, когда он вновь заговорит. Его слова воздействуют на меня. Так, как не должны. С недавних пор я странным образом зациклилась на

нём. Ожидание наших ежедневных звонков превратилось в лёгкую одержимость, и моя мама наверняка сказала бы, что это точно так же вредно сказывается на мне, как и отсутствие социальной активности.

— Хм-м, — мычу я, пытаюсь нарушить неловкое молчание.

Я не выдерживаю напряжения, однако слышу только его тяжёлое дыхание, которое напоминает мне о многих прочитанных эротических книгах. Герой, затаив дыхание, после раунда грубого секса пыхтит на ухо героине. На самом деле сама я такое не слышала никогда, но замечаю за собой, что представляю, как бы это

было, если бы Алекс, накрыв меня своим телом, издавал этот звук мне на ухо.

— Думаю, на сегодня достаточно, — говорит он наконец-то, его низкий голос прокатывается по моей коже тёплой, грубоватой лаской, как это обычно и бывает, когда он обращается ко мне.

Если кто и должен озвучивать книги, так это Алекс. У него был голос, подобный которому я не слышала раньше, а на своей работе мне приходилось слышать многих. Голоса, по общепринятому мнению, признанные лучшими, не были какими-то особенными по

сравнению с его.

— Хорошо, мис... Алекс, — быстро исправляюсь я, в очередной раз выставляя себя некомпетентной идиоткой, которая ничего не может запомнить. — Я вышлю книгу Скотта после полудня. Мне осталось несколько штрихов, и после она будет готова. А потом возьмусь за эту, если вам понравился образец, который я только что продемонстрировала.

Алексу нравится заниматься образцами по телефону, как и нравится ежедневно проверять процесс работы над моими проектами, что не совсем является

нормой в озвучке. Почти всё можно сделать по электронной почте, но Алекс говорит, что ему нравится этот способ. За зарплату, которую он выплачивает мне за озвучку аудиокниг, я бы рада через обручи прыгать ради проектов. Ладно, это лишь частично правда. Я бы прыгала через обручи, но наши телефонные разговоры значат для меня куда больше, чем просто работа.

Иногда наши беседы переходят на личные темы, преимущественно обо мне и моей жизни. Время от времени я замечаяю, что болтаю, а он только слушает. Может быть, он проявлял вежливость и жалел меня,

потому что я вела беседы с кем-то, кто был мне чужим. Впрочем, он больше не казался мне незнакомцем.

— Звучит замечательно. У меня много дел на завтра, поэтому я хочу заняться этим сегодня и закончить наши списки, — сообщает он, ускользнув обратно в деловую беседу.

С ума сойти, как ему это удаётся. Иногда я задаюсь вопросом, может, у него безумная сексуальная жизнь? Потому что мои рассказы неизменно переходят в непристойную часть, но никогда его не трогают.

Как правило, в итоге, когда мы заканчиваем, я вся липкая, с затвердевшими сосками и мокрыми

трусиками. Мы вешаем трубки, и я запускаю руку в штаны даже раньше, чем линия успевает освободиться. Дело было не в зачитывании книг, которые бы меня возбуждали. Я занималась озвучиванием романов много лет. Обычно я делала это в одиночестве, чтобы никто не мог услышать. Но по какой-то неведомой причине чтение вслух для Алекса возбуждало меня сверх меры. Возможно, всему виной было то, что он постоянно выбирал самые порочные отрывки для образцов, ну или же дело было в нём самом.

Я объясняю себе происходящее тем, что Алекс играл со мной. Мне

приходило в голову, что он, возможно, даже немного влюблён в меня, как и я в него, но время шло, а по нему всё никак не было видно волнение. Алекс никогда не пытался быть более дружелюбным со мной, как, например, я с ним, и через некоторое время мне это стало казаться моей выдумкой. Моя мама всегда говорила, что я чересчур замкнута, и, похоже, это происходило вновь. Я выстроила в своей голове то, чего на самом деле не существует. Хуже того: мысль о том, что это общение может закончиться, была до странности ужасающей.

— Хорошо. Я пришлю файл

прямо сейчас.

Я стараюсь сохранить свой тон таким же невозмутимым, под стать ему, но меня по-прежнему снедает тот факт, что у него много дел на завтра. Это же Рождество, поэтому мне следовало ожидать, что он будет занят. А вот всё, запланированное мной, — это ужин перед телевизором и Нетфликс.

— Счастливого Рождества, Ноэль.

— И вам, Алекс.

Я ударяю по «Закончить вызов», желая незамедлительно отключиться от него. Бросаю телефон на стол и листаю вверх электронные

сообщения. Мне хочется уже покончить с этим и отправить файл, но подключиться к интернету не удаётся. Поставив на перезагрузку модем и ноутбук, я иду к окну, пока вся техника перезапускается.

И в самом деле, идеальный Рождественский сочельник. Снег уже начал идти, а рождественские огоньки на ёлке за моей спиной отражаются в стекле. Будто бы насмежаются надо мной. Мой дом украшен так, словно завтра я устраиваю рождественскую вечеринку. Понятия не имею, почему я это сделала.

Я интроверт и всегда им была.

Хоть и завела пару друзей в колледже, я всё ещё предпочитая оставаться с глубоко зарытым в книгу носом. Но с той поры мы отдалились друг от друга, со временем медленно теряя контакт. Никому не хочется дружить с девушкой, которая лишь изредка покидает дом.

Кто знает, где сейчас мои родители. Никто не любит путешествовать больше, чем они. До сих пор понять не могу, как я могла появиться от таких общительных людей. Мне нравится всё маленькое и уютное, и я всегда хотела провести Рождество с родителями. Когда я была ребёнком, моя мама украшала

дом именно так, как украсила бы свой собственный дом я, но она неизменно заполняла этот день людьми, которые едва мне знакомы.

Теперь это даже почти смешно. Я ненавидела, когда она так делала, а сейчас сама же нахожусь в доме, полностью подготовленным к Рождеству, без единой души, с которой могла бы его провести. Даже не знаю, что хуже.

Мои мысли забредают обратно к Алексу, сосредотачиваясь на его планах. Есть ли у него особенный человек, с которым он проведёт Рождество? Это предположение порождает иррациональный всплеск

ревности во мне.

Может быть, я смогу придумать причину пообщаться или же просто позвоню ему, чтобы пожелать Счастливого Рождества. Я ругаю себя за глупую идею. С учётом того, насколько быстро он отключился несколько мгновений назад, у него наверняка есть планы на вечер.

Зарывав на себя, я стягиваю резинку с волос, чтобы хоть немного облегчить досаждающее напряжение.

«*Соберись*», — говорю самой себе. Я закончу проект для Алекса, укутаюсь в свою рождественскую пижаму, сяду есть печенье, на выпечку и украшение которого убила

весь день, и буду смотреть свои любимые праздничные фильмы. И не позволю себе устроить вечеринку жалости.

Глава 2.

Алекс

Я вешаю трубку и, вздохнув, откидываюсь на спинку стула. Закрыв глаза, позволяю звуку своего имени, вырвавшемуся из её греховного рта, закружиться в моей голове.

«Алекс, Алекс, Алекс», — представляю, как она повторяет его снова и снова, пока я погружаюсь в неё. Мысль об этом подводит меня к разрядке, и я тянусь за коробкой салфеток, чтобы очиститься от испытанного оргазма.

После того как впервые услышал

её голос и заставил прочесть сцену для меня, я стал держать коробку с салфетками рядом. С каждым словом, выскальзывающим из её рта, я становился всё твёрже и твёрже, пока в итоге не выключил микрофон и не начал мастурбировать. Я не выдержал — её голос сводил меня с ума. Я никогда ни на что так не реагировал, как на голос Ноэль, и чем больше слушал её, тем больше хотел.

Я живу в этом домике в штате Монтана уже несколько лет. Основал компанию «Всё для Вас» пару лет назад, после аварии.

Авария.

Я работал публицистом в нью-йоркском издательстве, сотрудничая с авторами и агентами. В один из дней, возвращаясь домой, я переходил дорогу напротив моих апартаментов и меня сбила машина. Водитель не увидел меня, а все врачи сказали, что мне повезло остаться в живых. Авария оставила множество шрамов на моём теле и половине лица. На лечение ушли месяцы, а позже, почувствовав себя стеснённым в большом городе, я страдал от клаустрофобии. Шрамов было слишком много, чтобы появляться в общественных местах, да и мне нужно было убрать от

шума.

Я хотел работать на дому, а с аудиокнигами и раньше помогал нескольким авторам. Так я создал компанию, чтобы помочь клиентам найти превосходный настрой для их аудиокниг, и прежде чем понял это, у меня был длинный список тех, кто нуждался в моих услугах.

Я купил домик в Монтане за несколько лет до аварии, приезжая сюда так часто, как мог, но не так, как хотелось бы. Когда мне стало лучше, я решил бросить «Большое яблоко» и начать жить так, как хочется. Мои родители и сестра, любящие шумный мегаполис, по-

прежнему обитают в Нью-Йорке. Сначала они расстроились, что я уезжаю, но, думаю, поняли мою потребность в уединении. Раньше мне нравилось быть собой, но после аварии в общественных местах это было трудно. Но технологии — это здорово, что и позволяет мне поддерживать связь с родными. Обычно я приезжаю к ним раз в год, этого мне достаточно. Мы все созваниваемся и переписываемся, но мне нравится моё одиночество. Они ежегодно приглашают меня на Рождество, и пару раз я соглашался. Но каждый раз, приехав домой, я мог думать только о том, как вернуться в

свой тихий домик в лесу.

Я вырастил свой бизнес, и теперь у меня есть долгожданный список авторов, желающих моих услуг. Я беру одну из их книг и помогаю сопоставить с идеальным чтецом. Как правило, я подталкиваю их, когда это необходимо, но в основном свожу и перехожу к следующему.

До Ноэль.

Впервые я услышал её, когда искал женский голос для одного из шпионских триллеров клиента. Она прислала резюме, и я отправил ей образец, ожидая увидеть, подходит ли она. Отрывок был совершенно

нудным, просто глава об исследованиях героини по делу. Но каждая нота в голосе Ноэль заставляла мой член твердеть. Голос звучал так, будто она обращалась именно ко мне, и это посылало мурашки по всему моему телу. Самую непритязательную главу она смогла прочитывать настолько эмоционально, а ведь я не мог и предположить, что такое вообще возможно.

В тот день я нанял её и начал использовать для всех нужных мне женских ролей. Через некоторое время, однако, мне было необходимо больше. Я должен был иметь нечто

более глубокое с Ноэль.

Я начал выискивать авторов любовных романов, нуждающихся в аудиокнигах, и нашёл несколько. Сосредоточенно изучал романы, пока не отобрал сладчайшие, самые грязные из возможных, и приберёт специфические отрывки для неё. Я обратил своё внимание на эту сторону бизнеса, сосредоточившись на Ноэль и её голосе в озвучивании любовных романов. Мои собственные эгоистические потребности взяли верх и поглотили меня.

Я записал её чтение с телефона, дабы можно было его проигрывать,

прежде чем лечь спать, ибо во время разговоров я всегда был слишком занят работой, чтобы в полной мере прочувствовать каждое её слово. Я понял, что, повторив запись в ночное время, могу услышать гораздо больше, чем днём: засыпая, я могу услышать её чувственную мелодию.

Впервые услышав любовный роман в её исполнении, я осознал, что не в силах отправить его автору. Вместо этого привлёк другого чтеца для аудиокниги. Я не мог заставить себя разделить голос Ноэль с кем-то ещё, хотя и знаю — это ненормально. Я месяцами платил ей за запись аудиокниг, но так и не отправил

авторам ни одной её работы, платя ей из своих собственных средств и используя другого специалиста для работы.

Я заработал в своей жизни много денег, так что, если бы никогда не работал и лишь платил Ноэль за чтение для меня до конца времён, не стал бы испытывать нужду в средствах. Поэтому я почти перестал брать всю работу, если только она не относилась к Ноэль и её голосу.

Самая лучшая часть моего дня — взять телефон и позвонить ей. Я становлюсь твёрдым до того, как набираю номер. Она послала своё фото с онлайн-резюме, и мне теперь

грустно признать, что я распечатал его и теперь оно на моём столе. Я смотрю на её снимок, когда она читает мне по телефону, и медленно глажу себя.

Даже после того как она доводит меня до оргазма, я сижу здесь и пытаюсь отдышаться, просто продолжая слушать о её дне и жизни, что делает меня самым счастливым мужчиной в мире. Я бы всё сделал, лишь бы прикоснуться к ней.

Останавливая эту мысль, встаю, отбрасываю прочь покрытую спермой ткань и застёгиваю джинсы. Я выхожу обратно, прихватив топор на заднем крыльце, и иду рубить

дрова. Это поможет держать мой ум занятым, а я стараюсь не думать о том, чего не могу иметь.

Ноэль чрезвычайно красива: у неё большие карие глаза и волнистые каштановые волосы. Её полные губы улыбаются на присланном мне фото, а щёки румянятся. Из того, что Ноэль рассказала мне: она живёт всего лишь в трёх часах езды от того места, где нахожусь я, но не догадывается об этом. В один день она случайно сболтнула мне про свой город, а я нашёл его. Также я знаю, что Ноэль одинока, и, думая об этом, сжимаю челюсть. Как кто-то мог видеть её, слышать её голос и не захотеть

заполучить? В то же время эти мысли заставляют меня злиться, стоит мне представить кого-то другого, кому она достанется.

Опустив топор на полено, я смотрю, как оно раскалывается надвое. Испустив долгий вздох, в миллионный раз желаю увидеть, как приезжает автомобиль. Если бы я был невредимым и достаточно мужественным, чтобы влюбить в себя Ноэль, запрыгнул бы в свой грузовик, проехал три часа, постучал бы в её дверь и пригласил её на свидание. Она настолько совершенна, что заслуживает лучшего. Не недомужчину, на

которого прячутся дети в
супермаркете.

Думаю, мне просто придётся довольствоваться тем, чтобы дрочить на её голос всю оставшуюся часть моей жизни. Это не совсем то, чего я хочу, но часть её лучше, чем ничего. И если она никогда не узнает, то какой вред? Я могу иметь свою собственную идеальную фантазию в моей голове, где она и я одно целое.

Игнорируя своё одиночество, я берусь за рубку большего количества древесины, увеличивая гору, которая у меня уже есть. Зима в Монтане не шутка, но мой дом довольно хорошо снабжён. У меня есть электричество

от города, расположенного достаточно близко, и на всякий случай камин в моей спальне. Также на кухне находится дровяная печь для готовки, когда мне это нужно, но, пока есть электроэнергия, я не пользуюсь ей. Коттедж вполне просторный для одного человека с совмещёнными гостиной и кухней. На первом этаже расположена главная спальня с отдельной ванной комнатой, а на втором есть две спальни с ванной между ними. Одну использую в качестве своего офиса, а вторая является запасной, хотя я никогда в ней не нуждался. Место было полностью обставлено при

покупке, и я просто оставил его в покое.

Снег начинает ложиться тяжелее, что ожидается в это время года. Я тащу только что колотую древесину на крыльцо и следую своим путём обратно внутрь. Сняв тяжёлое пальто и сапоги, иду в спальню и включаю ноутбук.

Улёгшись на середину кровати, я щёлкаю кнопкой «воспроизвести», и голос Ноэль заполняет комнату. Тянусь рукой к джинсам, поглаживая свой твёрдый член, пока она рассказывает мне о всех тех вещах, которые я хочу сделать с ней.

Глава 3.

Нозль

Ударив модем ещё раз, я уже знаю, что мои усилия бесплодны. Я перезагрузила эту тупую железяку четыре раза, но и сейчас ничего не изменилось. Моим единственным другим вариантом было пнуть его, что, кажется, не сработало. Выглянув из окна, я вижу, что снег идёт сильнее, но не настолько, чтобы меня натолкнуло на мысль о проблемах с интернетом.

— Чёрт побери.

Я снова ударяю модем, беззвучно молясь, но все лампочки гаснут.

Конец. Как и моему контракту с «Всё для вас». Эта мысль заставляет желудок сжаться. Больше не будет Алекса. Может, он не уволит меня, а может, и уволит. Он говорил, что хочет получить сегодня. Бросив взгляд на часы, я обнаруживаю, что уже пять вечера в сочельник. Всё уже закрыто. Я даже не смогу зайти в местное кафе, чтобы, воспользовавшись их Wi-Fi, отправить файл.

Мои варианты заканчиваются. Нет, не заканчиваются. У меня их нет. Ноль. Я побеждена. Может быть, я могу позвонить и, объяснив, заставлю его понять. Я решаю

воспользоваться этим шансом. Позвоню Алексу. Это то, чего я никогда раньше не делала, потому что он всегда звонит мне. Звучит шесть гудков, прежде чем срабатывает голосовая почта, заставляя меня задаться вопросом, чем он занят. Я закрываю глаза, думая, что это не моё дело.

Наверное, он сидит перед камином со своей семьёй или девушкой, ест печенье и наслаждается идеальным Рождеством. Уверена, всё выглядит так, как в одном из тех сочных любовных романов, которые я озвучивала ранее.

Плюхнувшись на диван, начинаю оплакивать потерю лучшего контракта, когда-либо у меня бывшего. Чёрта с два. Я грущу не из-за работы, а из-за него.

Как я могла повестись на кого-то, кого едва знаю? Кого-то, кто никогда не делился ничем личным, как бы я ни пыталась вытянуть из него хоть что-то. Иногда мне кажется, что признание на кончике его языка, но оно никогда не срывается с губ.

Звонок телефона заставляет меня вскочить с дивана и поспешно ответить, даже не посмотрев, кто это.

— Алекс? — произношу, ненавидя то, что мой голос звучит с придыханием, словно я только что пробежала милью.

— Кто такой Алекс? — моя мама щебечет в трубку, заставляя меня плюхнуться обратно на диван.

— Никто, мам, — ложь легко слетает с моего языка.

Не хочу обсуждать с ней воображаемые отношения с мужчиной, фактически являющимся моим боссом. Она бы спросила у меня, как он выглядит, как часто мы бываем в обществе, и так без конца. Все вопросы, на которые у меня бы не нашлось ответа, и вот тогда она

действительно взялась бы меня убеждать, что мне необходимо стать более общительной и что, возможно, я должна обратиться к психиатру, дабы посмотреть, что со мной не так.

Со мной всё в порядке. Просто я домоседка. Я ещё не нашла человека, который хочет быть домоседом вместе со мной. В плане обнаружения одного такого будущее не выглядит особо радужным для меня. Не тогда, когда я мечтаю о мужчине, которого ни разу не встречала.

— Не похоже на «никто», — замечает мама, уколов снова, но я хорошо знаю, что она имеет в виду.

Может, я и не могу поделиться с родителями, но они любят меня.

— Всего лишь клиент. Я работаю над срочным проектом, и мне нужно поговорить с ним, но не получается его застать.

Даю ей немного правдивой информации, надеясь, что это положит конец вопросам и мы сменим тему. Я тянусь к одному из печений на тарелке, которую поставила на журнальный столик, и пробую кусочек. Сладость не делает ничего, чтобы заставить меня почувствовать себя лучше. Для этого мне необходим торт.

— Вероятно, он со своей семьёй,

как и тебе следовало быть со своей. Ты решила не присоединяться к нам из-за этого проекта? Держу пари, ты взяла эту работу, лишь бы не приезжать на Рождество, — обида в её голосе — это то, к чему я вполне привыкла. Но лучше срабатывает на моём отце, чем на мне.

— Меня не приглашали.

Я не упоминала, что даже не знаю, где они находятся прямо сейчас. Как только я переехала, моя мама перестала устраивать большие вечеринки и стала проводить Рождество в случайных модных отелях.

— Ты всегда приглашена, —

боль в её голосе мгновенно заставляет меня чувствовать себя виноватой. Знаю, я всегда приглашена, но меня до сих пор ранит отсутствие звонка или чего-нибудь такого. — Разве ты не получила мою открытку?

— Ааа, — смущаюсь я, бросая печенье обратно на тарелку и направляясь к передней двери в прихожей.

Там на столе стоит корзина, куда я всегда скидываю свою почту. Смотрю на кучу корреспонденции, пока моя мама рассказывает, как она хочет, чтобы я была с ними, и чем они там занимаются.

Я никогда не разбираю эту корзину, пока она практически не становится переполненной. Большая часть в ней, как правило, ненужный хлам. Все свои счета я оплачиваю через Интернет. Кому нужна почта? Если она не приходит в упаковке Amazon, я не заинтересуюсь. Остальное отправляется в почтовую корзину. Я разбираю её раз в месяц, когда содержимое начинает вываливаться на стол, не оставляя мне выбора.

Я копаюсь в ней в поисках открыток и вытаскиваю несчастные три штуки, в то время как моя мама продолжает болтать о Париже.

Большинство людей получает тонны открыток, которые выставляются в рядок на камине или отправляются на дверцу холодильника. Первая — рассылка от моего дантиста, но вторая заставляет меня замереть. Его имя написано от руки в левом верхнем углу. Нет никакой глупой марки или напечатанного штампа. Алекс Локвуд.

Даже его почерк сексуальный и мужской, отчего по всему телу разливается тепло.

— Мам, я должна идти. Счастливого Рождества. Я люблю тебя, — грубо прерываю свою маму, пока она перечисляет людей,

которых мои родители увидят завтра. В любом случае понятия не имею, кто они, и прямо сейчас у меня есть дела поважнее.

Я распахиваю открытку, стараясь слишком сильно не повредить и желая сохранить её настолько совершенной, насколько это возможно. Лицевая сторона демонстрирует хорошенькую снежную картину: незатейливый домик посреди снегопада. Над идеальным зимним образом «деревенским» шрифтом написано: «С Рождеством!»

Внутри напечатано незамысловатое поздравление:

«Пусть все ваши рождественские желания сбудутся». Но именно то, что написано ниже тем особым почерком, привлекает моё внимание:

«Самому нежному голосу, который я знаю.

хохо

Алекс».

Моё сердце начинает колотиться от простых слов, и я провожу пальцем по «ХОХО». Может, он всего лишь был вежлив, но нормально ли говорить женщине, что у неё самый нежный голос, который он только знает, а затем добавить объятия и поцелуи? Или он флиртовал со мной? Или я в очередной раз делаю

из мухи слона? Там было столько же объятий, сколько и поцелуев. Конечно, он прокомментировал мой голос. Это то, что я делаю для него, в конце концов. Возможно, он подготовил открытки для всех на работе, подобно той, что я получила от глупого дантиста. Насколько знаю, у моего стоматолога есть секретарь, который занимается ими, а он лишь подписывает их.

Перевернув открытку, вижу адрес, не соответствующий главному офису его компании. Я уверена, потому что он выбит на контрактах, которые я подписываю с каждой взятой книгой. Это странно, ибо он

гораздо ближе ко мне. Всего в трёх часах от моего дома. Я знаю этот город и была там несколько раз. Помню, он показался мне маленьким и привлекательным своей стариной, когда в один прекрасный день я отправилась туда, чтобы посмотреть на антиквариат.

Я принимаю необдуманное решение. Там сказано: *«Пусть все ваши рождественские желания сбудутся»*, — а в этом году моё желание заключается в том, чтобы не отпустить Алекса из своей жизни. И даже если это означает неизменно исполнять роль его подчинённого, я согласна. Я делаю то, что должна, и

поэтому собираюсь к нему домой. Загрузив аудиофайлы на флешку, полагаю, что просто смогу отвезти их ему. Тогда у него будет его работа, а я, вне всяких сомнений, не буду уволена.

Знаю, я могу быть сумасшедшей, но мысль об отсутствии ежедневных разговоров с Алексом сокрушительна. Он нечто такое, что я не готова отпустить, хоть моя одержимость и выглядит слегка нездоровой. Выглянув в окно, вижу, что снегопад немного усилился. К тому моменту, как я окажусь там, будет очень поздно. Мне необходимо собрать сумку и, возможно, остаться

в местном мотеле или где-нибудь ещё. Если снег продолжит идти в том же темпе, вероятно, ехать обратно этим же вечером будет небезопасно.

Я бросаюсь в свою спальню и торопливо собираю вещи, останавливаясь перед зеркалом, чтобы посмотреть на себя. Я увижу его. Я на самом деле буду лицом к лицу с Алексом. Приглаживаю свои каштановые волосы, осознавая, что у меня нет времени на нечто большее. Я в легинсах и глупом рождественском свитере, облегающем моё тело плотнее, чем было несколько лет назад. Он украшен мигающими огоньками,

которые можно включить.

«Не имеет значения», — говорю я себе, хватая сумку. Я надеваю ботинки, тяжёлое зимнее пальто и вязаную шапочку. Хватаю флешку и ноутбук, также закидывая их в сумку. Направляюсь в свой джип и ввожу адрес в навигатор. Я нажимаю на гаражную кнопку, выезжаю на подъездную дорожку и стою там, пока оцениваю, насколько это близко.

Через час пути мой мозг начал брать верх надо мной. Что произойдёт, когда я буду там? Будет ли он сердиться, что я прервала его Рождество? Или же Алекс будет

счастлив получению файлов, в которых он нуждался, и, возможно, пригласит меня внутрь? Но затем мой разум обращается к тому, что он, может быть, проводит выходные с женщиной, — знаю, я должна сосредоточиться на чём-то ещё.

Схватив телефон, я запускаю аудиоприложение и открываю свои скачанные книги. Нахожу одну из тех, что записала для Алекса. Я приобрела аудиокнигу, когда на днях её выставили на сайте. Хочу послушать новеллу и выбросить из головы все мысли, но, как только звучат первые слова, услышанное заставляет мой желудок сжаться.

Глава 4.

Алекс

После того как я дважды передёргиваю затвор, слушая голос Ноэль, решаю выбраться из постели и перекусить. Я бы мог оставаться в кровати целый день, ублажая себя, но было бы немного грустно провести сочельник именно так.

Надеваю тренировочные штаны и терморубашку, решив подготовиться ко сну пораньше. Иду к проигрывателю, чтобы включить рождественский альбом группы «The Peanuts». Я знаю, что, поставив ещё одну аудиозапись голоса Ноэль,

закончу в постели на спине, лаская себя под её чтение. Заглядываю в холодильник, пытаюсь выяснить, чего же я хочу. На завтра я запланировал большой ужин для себя, потому что мне нравится готовить, и я бы хотел чего-нибудь особенного на Рождество. В моём маленьком городишке всё равно некуда будет пойти, так что на повестке дня остаётся только чтение и домашний ужин.

Через кухонное окно наблюдаю за тем, как садится солнце и как густо идёт снег. Интересно, сможет ли электросеть выдержать завтра мои кулинарные планы. Хорошая

новость: я запасся дровами для кухонной печи. Я подготовился к наихудшему развитию событий, зная, что в это время года погода может быть отвратительна. Два года назад меня занесло снегом на неделю, и мне пришлось пешком добираться до города, чтобы пополнить свои запасы. Не собираюсь повторять этот подвиг. Никогда.

Пока достаю ингредиенты для сэндвича, раздумываю над тем, что мне нужно завести кошку или собаку. Кого-то, с кем я не был бы одинок в подобное время. Я наслаждаюсь своей уединённостью, находясь вдалеке от остального мира, но

иногда мне становится очень одиноко. Когда всё-таки выбираюсь в город, я заговариваю с людьми только в случае необходимости и стараюсь по максимуму спрятать свои шрамы. Мне не нравится, когда все смотрят на меня и гадают, что же случилось. Или, что ещё хуже, жалеют меня.

Тряхнув головой, дабы избавиться от этой мысли, я возвращаюсь к приготовлению еды. Как только с этим покончено, иду в гостиную и усаживаюсь напротив огня. Я смотрю на языки пламени, думаю о Ноэль и задаюсь вопросом, чем же она сейчас занимается.

Она, наверное, со своей семьёй, как и каждый нормальный человек. Наслаждается сочельником с любимыми людьми, а может быть, празднует с друзьями. Может, на празднике она встретит кого-нибудь, с кем можно появляться на людях, кому нет нужды прятаться.

Я думаю о том, как хорошо было бы отпраздновать Рождество вместе с Ноэль. Если бы я был полноценным, а она была бы моей, уверен, у меня бы случилась передозировка рождественским счастьем. Я бы хотел провести весь день в кровати, прижимаясь голыми друг к другу и сохраняя тем самым

тепло наших тел. Я бы занимался с ней любовью снова, снова и снова, выпуская её из постели лишь для того, чтобы вдвоём испечь печенье и у огня открыть подарки. Я бы трахал её на кухонном островке, и она бы вся перепачкалась в муке и посыпке. Мы бы делали во дворе снежных ангелов, пока она бы не замёрзла, а затем, затащив её в ванну, я бы купал её, пока она бы не согрелась. Той ночью я бы близко-близко прижал её к себе, шепча на ушко, как сильно я её люб...

«Перестань, Алекс», — говорю себе, пытаюсь избавиться от этой фантазии. Это не реально и никогда

не будет. Всё в моей голове и не более. Решив, что мне нужно поднять боевой дух, я иду в спальню и вместе с телефоном хватаю записи Ноэль. Бросив на него взгляд по пути на кухню, я замираю на месте, потому что вижу пропущенный звонок от неё.

Не думая дважды, перезваниваю ей, гадая, как же я мог пропустить его. Ах да, я был очень занят дробкой, когда на полной громкости слушал, как она читает непристойные книги. «Иисус, Алекс, ты не мог ещё больше облажаться?»

После одного гудка звонок обрывается, я смотрю на телефон и

удостоверяюсь, что он ловит сеть. Пробую снова и снова, но вызов прерывается после первого же гудка. Я набираю её номер ещё пять раз и всё равно не дозваниваюсь. В животе появляется неприятное чувство. Что, если что-то случилось? Что, если что-то пошло не так?

Проверяю, когда она звонила мне, и вижу, что это было больше трёх часов назад. Начинаю волноваться. Кому я могу позвонить и с кем поговорить? Как узнать, в порядке ли она? Давала ли она мне контактный номер члена семьи, подписывая мой контракт? Господи, почему я не подумал о том, что

подобное может случиться?

Я начинаю ходить по гостиной, размышляя о том, как выйти с ней на контакт, когда я вижу, как по всей комнате отражается свет фар.

— Что за херня?

Кто вообще может приехать ко мне домой? Никто и никогда этого не делал, а моя семья не появилась бы на пороге, заранее не предупредив меня. Может быть, они потерялись. Но моя подъездная дорога длиной в три мили (прим.: почти 5 км). Кто бы это ни был, он знал, куда именно направляется.

Я иду в чулан и хватаю хранящуюся там битую. У меня есть

охотничья винтовка, но она в задней части дома и к тому же не заряжена. Возможно, прямо сейчас не лучшее для неё место, но раньше я никогда в ней не нуждался.

Как можно быстрее надеваю ботинки. Накидываю свою куртку и шагаю прямо к входной двери. Вижу джип, который съезжает с подъездной дорожки и паркуется, пока я выхожу за порог и спускаюсь по ступенькам. Застываю там на полсекунды, держа битку, и жду, кто же выйдет из него. Большими тяжёлыми хлопьями снег падает на землю, поэтому даже в нескольких шагах от машины трудно понять, что

происходит.

Когда невысокая женщина в большом пальто и вязаной шапке обходит джип сзади, я прищуриваюсь, пытаюсь понять, кто же это. Она резко останавливается, когда видит меня с битой в руках, и только тогда я понимаю, что не прикрыл лицо. Я не надел ни шапку, ни шарф, и мои шрамы, должно быть, напугали её.

Из-за снега я плохо вижу её глаза, но немного опускаю биту, думая, что ей, наверное, нужна какая-то помощь, из-за которой она и проделала такой длинный путь.

— Алекс?

Одно слово почти опрокидывает меня на задницу. Я роняю битую в снег и быстро разворачиваюсь, показывая Ноэль свою спину. Не могу позволить ей увидеть меня. Как же она попала сюда?

— Что ты здесь делаешь, Ноэль?
— я могу слышать, насколько холодно и бездушно звучит мой голос, но не в силах изменить это.

— Я... У меня была проблема с интернетом. Мне нужно было сегодня вернуть тебе книгу.

Её тёплый, шелковистый голос расплавленной карамелью стекает по моим напряжённым плечам и проникает в сердце. Мой член как

всегда реагирует на неё, даже в такую морозную погоду становясь твёрдым как камень.

— Ты не должна была выходить в такую погоду.

Всё, о чём я могу думать, — это то, как было опасно для неё ехать сюда.

Спустя полсекунды тишины я слышу тихое шарканье её ботинок.

— Ты прав. Добраться сюда действительно оказалось непросто. Мне очень жаль. Я пыталась дозвониться, но не хотела пропустить свой крайний срок, — я слышу нервный смешок, и мне приходится сдерживаться, дабы не

начать успокаивать её. — Прости, мы можем всё сделать в другое время. Я только доберусь до города и попробую перезвонить тебе позже.

— *Нет!* — я не поворачиваюсь, но слово разносится эхом по лесу, заставляя её замолчать.

Я никогда не мечтал о том, что она окажется здесь, и теперь, когда это случилось, я не могу выдержать и мысли о её уходе. Слишком опасно для неё ехать куда-либо ещё, в любом случае я бы ей не позволил.

— Погода ухудшается. Ты не можешь сейчас вести машину.

— Алекс, мне очень жаль. Я просто не хотела потерять эту работу.

Прошу прощения, что потревожила тебя в сочельник. Я видела городок в нескольких милях отсюда и могу поехать в мотель. Возможно, нам удастся поговорить после праздников.

— Останься! — резко оборачиваюсь, слова вылетают из меня быстрее, чем я смог бы удержать их. Отвожу взгляд, пытаюсь не встретиться с ней глазами и держа голову так, чтобы спрятать свои самые ужасные шрамы. — В мотеле уже всё занято. Ты можешь остаться со мной. У меня есть лишняя комната.

Понятия не имею, все ли номера

в мотеле заняты или нет. Просто не хочу, чтобы Ноэль уезжала.

— Я не могу тебя так стеснять, Алекс. Мне очень жаль...

— Просто зайди в дом. Здесь холодно, — жду одну секунду и вижу, как она возвращается к джипу и берёт сумку из багажника. — Ты можешь остаться на ночь. Утром я отвезу тебя в мотель.

— Спасибо — шепчет она, а я оборачиваюсь и иду обратно в дом.

Когда позади себя я слышу звук её шагов, выдыхаю и только сейчас понимаю, что сдерживал дыхание. Насколько плохо всё может обернуться? Я смогу держаться от

неё подальше одну ночь. Смогу.
Верно?

Глава 5.

Нозль

Быстро схватив сумку с пассажирского сиденья, я следую за ним; сердце колотится в груди.

— Ты замёрзла? — спрашивает он, топая на коврике у двери и стряхивая с ботинок снег.

Я беру с него пример и делаю то же самое, не хочу занести снег в его дом.

— О да.

Тут очень морозно, но мне кажется, здесь ветер ещё злее, чем в городе. Холод пронизывает тебя насквозь. Чем дальше я отъезжала от

города, тем больше он заставлял мою машину дребезжать.

Я следую за ним внутрь, сняв перед этим ботинки и разместив их возле двери. Он делает то же самое, всё ещё держась ко мне спиной. Не могу удержаться и плююсь на его широкие плечи. Я думала, Алекс окажется крупным парнем, так как у него такой низкий голос, но он даже крупнее, чем я представляла. В нём более шести футов (прим.: от 182,88 см), возможно, он выше моего роста в пять футов и два дюйма (прим.: 157,48 см) на целый фут (прим.: 30,48 см). Множество людей возвышаются надо мной на многие

дюймы, но Алекс выше даже этого большинства.

Он немного поворачивает голову, бросая на меня взгляд из-за плеча. Один глаз глубокого синего цвета встречается с моим. Распущенные угольно-чёрные волосы спадают на его щёку, похоже, их нужно немного подровнять, ведь они скрывают лицо. Мне не терпится увидеть всего Алекса. Когда я впервые посмотрела на него, мне показалось, что у него есть шрам, пересекающий лоб и спускающийся к скуле. Но мешают тусклый свет хижины и спадающие волосы.

Он напоминает мне одного из

романтических героев, о которых я читала в старых дрянных романах мамы. Кажется, что вокруг каждого какая-то мрачная аура. И все одарены тёмными волосами и пронзительными синими глазами. Герои везде описывались именно так. Всякий раз взяв в руки очередную её книгу, я могла практически предсказать, когда и что скажет герой, а сейчас, похоже, в каком-то фюте от меня стоял один такой, вырванный прямо со страниц романа.

Я отталкиваю глупую мыслишку, потому что опять начинаю жить в своих фантазиях, делая реальным то,

чего на самом деле нет. Шагаю ему навстречу, будучи не в силах сдержаться от того, чтобы убрать волосы с его лица. Не знаю, откуда у меня взялись яйца, но я тут же об этом жалею, когда он снова поворачивает голову, продолжая стоять ко мне спиной и неразборчиво шепча что-то.

Кажется, он не хочет на меня смотреть или что-то вроде того. От этой мысли по спине ползёт холодок, и это не из-за погоды. Если честно, здесь довольно тепло и огонь пылает у дальней стены, а я всё ещё закутана. Догадываюсь, что это гостиная, потому что в углу стоит

рождественская ёлка, украшенная
цветными огоньками.

Я умирала от желания узнать,
как он выглядит. Я хочу соединить
лицо и образ мужчины,
исполняющего главную роль в моих
фантазиях на протяжении последних
нескольких месяцев. Когда я вышла
из машины, у меня перехватило
дыхание. И я, зачарованная тем, что
оказалась рядом с ним, даже не
смогла полностью охватить его
взглядом.

Находясь так близко после
долгого ожидания, я считаю его слова
грубыми и вовсе не такими, какие
думала услышать. Временами он был

решителен со мной, например, когда я называла его по фамилии, когда мне требовалось некоторое время, чтобы ответить на его звонок, но то, что произошло снаружи, сбивает с толку и смущает меня. Было похоже, что он до чёртиков желал убраться оттуда. Но в то же время не хотел оставлять меня одну.

— Я... Эм... — произношу я, пытаюсь прервать молчание между нами второй раз за день.

Теперь меня точно уволят. Я подозревала нечто подобное, когда услышала свою аудиокнигу и моего голоса на ней даже не оказалось. Как бы сильно ни желала его об этом

спросить, я бы не хотела дразнить медведя, в которого он, кажется, превратился.

Я знала — он не был одним из тех тихих задумчивых парней, но не могла и подумать, что он может кусаться. Сейчас я в этом не так уверена. Алекс в силах парой острых фраз разорвать моё сердце на кусочки. Видимо, поэтому я провожу столько времени витая в облаках и уткнувшись в книги, мечтая о своём личном маленьком мирке. В реальной жизни это романтическое дерьмо очень сложное и пугающее.

— Следуй за мной. Я покажу, куда ты можешь положить свои вещи,

— говорит он, не смотря на меня, и направляется прямо по коридору.

Будто он хочет запихнуть меня в комнату как можно скорее. Он даже не взглянул на меня. В моём горле начинает расти ком: «Забудь уже. Ты справишься с этим».

— Может, я лучше...

Оборачиваюсь, чтобы схватить дверную ручку, но вспоминаю, что на мне нет моих ботинок и я не смогу быстро раствориться в воздухе, как мне бы того хотелось. Прежде чем мне удаётся наклониться и подхватить ботинки, внезапно появившиеся мощные руки опускаются на дверь по обе стороны

от меня. Его тёплое тело вжимается в моё.

— Не уходи, — теперь его слова нежны, они щекочут мне ухо. Он даже не шелохнулся, а я, кажется, не могу выдавить из себя ни слова, когда его тело так прижимается ко мне. — Позволь показать тебе твою комнату. Если хочешь, прими тёплую ванну.

— Ладно.

Весь запал покидает моё тело, стоит мне услышать его глубокий чувственный голос. Я отвечаю с придыханием, мне нужно напрячь каждый мускул моего тела, чтобы удержаться и не прильнуть к нему. Мне хочется потереться об него,

будто я кошка в течке. Я никогда в своей жизни не делала ничего внезапного, но Алекс заставляет меня совершать множество необычных поступков. Например, трёхчасовая поездка в метель будто бы для спасения работы, хотя в действительности я сталкер низкого пошиба.

Может, если я потрусь об него, просто сказать, что замёрзла или что-то типа того? Боже мой, я реально пытаюсь облапать его! Щёки горят от стыда из-за моих мыслей, но Алекс так и не сдвинулся, чтобы пропустить меня. Не могу шелохнуться, пока он не уберёт свои

мощные руки, которые словно держат меня в клетке. Божечки, мне бы хотелось стоять лицом к нему и смотреть в его глубокие голубые глаза, но я вижу лишь дверь. Когда я его себе представляла, была уверена, что у него карие глаза, но мои фантазии не были к нему справедливы.

— Даже не пытайся уйти снова, — с этой твёрдостью в его голосе я знакома слишком хорошо. Практически говорю ему, что сделаю всё, чего бы ему ни захотелось, но я чувствую, как он вжимается в меня, и все мысли об уходе блокируются в моей голове. — Там темно, снег

валит, и снаружи койоты.

С последним предупреждением тепло его тела оставляет меня, и тотчас же мне его не хватает. Печально, я бы могла стоять так всю ночь и была бы чрезвычайно довольна. Я поворачиваюсь и следую за ним по коридору. Домик довольно милый. Сложно что-то разглядеть со столь незначительным освещением, но все стены и полы деревянные. Всё выглядит просто, по-домашнему и предельно совершенно. Весь дом как будто из какого-то каталога. Идеальное место для празднования Рождества.

Эта мысль напоминает мне, что

сейчас сочельник. Я больше никого не слышу, но чувствую себя погано не только из-за вторжения, но ещё и потому, что могла кого-то выдернуть из постели.

— Мы здесь одни? — выведываю информацию, гадая, не выскочит ли его девушка или кто-то ещё из ниоткуда.

— Я всегда один.

Я счастлива услышать эти слова, пока до меня не доходит их смысл.

Алекс отводит меня наверх, и мы проходим мимо одной двери, а затем останавливаемся у другой. Он поворачивает ручку и толкает дверь. Он стоит вполоборота ко мне, но

свет выключен, и я всё ещё не могу разглядеть его лицо. Могу лишь сказать, что у него волевые подбородок и нос, но, увидев так мало, я жажду узреть больше.

— Отдохни, я уверен, поездка была длинной, — сказав это, Алекс разворачивается и спускается по лестнице, его большое тело теряется в тени хижины.

Я захожу в комнату, которую он велел мне занять, и включаю ближайшую лампу. Игнорирую всё, за исключением кровати, куда бросаю свою сумку, и позволяю себе утонуть в её мягкости.

«Я всегда один».

Снова и снова повторяю про себя эти слова. Я не могу понять интонацию, с которой он произнёс эти слова. Алекс был один до того, как появилась я, и ему это нравилось? Стесняю ли я его? Или же он был один и от этого ему было грустно?

Для меня одиночество имеет сладковато-горький привкус. Очень долго я хотела потеряться в себе, чтобы моя мама не кудахтала вокруг меня. Но сейчас тишина — это одиночество. Забавно, но я не чувствовала эту боль, пока Алекс не появился в моей жизни. Теперь мне кажется, что он открыл дверь,

которую я никогда не смогу закрыть.

Глава 6.

Алекс

Я метался в постели последние пару часов, будучи не в силах делать что-то ещё.

«Она здесь. Она на самом деле здесь».

Ненавижу, что я трус и совершенно не в состоянии разговаривать с ней. Я замер на секунду, уставившись на неё и чувствуя то, что никогда не испытывал. Мы общались так долго — я ощущал, что знаю её, но не был готов увидеть. Ничто не могло подготовить меня к реальности её

красоты.

Сейчас сочельник, и я чувствую себя ребёнком, ожидающим появления Санта-Клауса. Только Санта-Клаус в моей гостевой спальне наверху, и я до смерти боюсь туда идти. Если бы был способ узнать, о чём она думает. Отвратительны ли ей мои шрамы? Разочарована ли она тем, что обнаружила, появившись здесь? Боже, сколько раз я представлял встречу с ней, видел тысячи разных сценариев в своей голове, ни один из которых не включал в себя её появление здесь в разгар вьюги и то, что она увидит все мои шрамы.

Вздохнув, переворачиваюсь на спину и смотрю на деревянный потолок. Я не знаю, что мне делать. Мне нужен знак или что-то вроде того. Я тщательно изучаю камин в своей спальне. Наблюдаю за горящими угольками и желаю рождественского чуда.

Внезапно раздаётся хлопок — в ванной гаснет ночной свет. Я сажусь, вокруг мёртвая тишина. Ни звука работающего холодильника, ни гула обогревателя на втором этаже. Дерьмо. Это определённо не то рождественское чудо, которое я имел в виду.

Я вылезаю из кровати, иду в

ванную комнату и щёлкаю выключателем. Ничего.

В коттедже электрическое отопление и вентиляция, но в зимний период свет часто отключается. У меня есть резервный генератор, но я никогда не беспокоился о покупке керосина для него. Дерьмо. Всегда был только я, и мне было достаточно каминов в гостиной и спальне. Чёрт, на кухне у меня есть печка для приготовления горячей еды, а за окном в это время года, в сущности говоря, холодильник, который доступен двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Я никогда не

заботился об отключении электричества. До сих пор.

Снова взглянув на деревянный потолок своей комнаты, я могу думать только о Ноэль, которой становится холоднее с каждой минутой. Начинаю выходить из спальни и понимаю, что мне необходимо одеться. Обычно я сплю обнажённым, но не думаю, что она оценит моё появление в таком виде в своей спальне и просьбу пойти со мной.

Мой член дёргается от одной мысли о ней, и я опускаю руку, слегка сжимая головку и пытаюсь тем самым заставить его опасть. Я не

могу быть чертовски твёрдым прямо сейчас.

Сделав несколько вдохов, смотрю вниз и вижу, что мой ствол становится ещё больше — не смягчается.

— Блядь.

Сейчас не время. Я натягиваю какие-то узкие боксёры, спортивные штаны и длинную футболку. Надеюсь, все слои скроют его.

Я прокладываю свой путь вверх по лестнице и слегка стучу в дверь гостевой комнаты. Ответа не следует — стучу громче. Делаю паузу, жду, но, когда не раздаётся ни звука, я начинаю паниковать, желая узнать,

что с ней могло случиться. Может быть, в итоге она попыталась уехать.

Открыв дверь, я заглядываю внутрь и вижу её, всё ещё укутанную в пальто, спящей на кровати. Я бесшумно подхожу и встаю возле постели, глядя на неё сверху вниз. Мягкий лунный свет проникает сквозь окно, превращая её в подобие ангела. Я никогда не думал, всё то время любясь ею на фотографии, что Ноэль может быть ещё более красивой, но она здесь и доказывает мою неправоту.

Её мягкие полные губы слегка раскрываются, и я могу думать лишь о том, чтобы поцеловать их.

— *Алекс*, — шепчет она, и я
вздрагиваю.

На секунду думаю, что Ноэль
проснулась и знает о моём
присутствии, но она не двигается и
не открывает глаза.

Она грезит обо мне.

От этой мысли сердце в моей
груди готово выпрыгнуть, и самая
большая, бестолковая улыбка
пересекает моё лицо. Она грезит обо
мне. *Мне!*

Я наклоняюсь, беру её на руки и
выношу из комнаты. На мгновение
она просыпается от движения,
оборачивая руки вокруг меня и
цепляясь своим телом за моё.

— Алекс?

На этот раз, когда она произносит моё имя, я могу услышать, что Ноэль всё ещё слегка сонная, но уже приходит в себя.

— Электричество отключилось, и теперь здесь нет отопления. Ты можешь спать со мной внизу.

Мой член пытается вырваться из нижнего белья от ощущения её в моих руках и её образа в моей кровати. Несмотря на то, что между мной и ею около трёх слоёв ткани, держать её — небеса.

Прямо сейчас температура снаружи показывает однозначные значения (прим.: имеется в виду по

шкале Фаренгейта, т.е. температура может быть от -12,7 градусов до -22,7 по Цельсию), и верхний этаж быстро охлаждается. Дом построен добротно и изолирован от мороза, но даже такое место оказывается затронутым в течение подобного рода зимы.

— Ладно.

Она приникает ко мне ещё ближе, и я чувствую её щёку, прижатую к моей шее. На последнем шаге у меня почти уходит почва из-под ног. Моё тело становится жёстким в равной степени из-за страха и похоти.

Я возвращаюсь в свою спальню и укладываю её на кровать. Она

смотрит на меня сонно.

— Где я?

Она моргает, просыпаясь, а я отворачиваюсь от неё, чтобы схватить больше дров и бросить их на раскалённые угли. Огонь оживает, потрескивая, когда пламя лижет поленья, а я неподвижно стою, не смотря на Ноэль.

— Ты в моей постели. Сегодня ночью тебе здесь будет тепло. Я буду спать на полу, — хватаю одеяло и подушку из шкафа и бросаю их на пол между кроватью и камином. — Огонь в гостиной погас, и уже поздно.

Я не упоминаю, что за

шестьдесят секунд могу его снова разжечь, предпочтя вместо этого сохранить данный факт при себе.

— Кровать огромная. Ты можешь спать здесь со мной. Уверена, мы справимся с тем, чтобы каждый оставался на своей стороне.

Мой член болит при мысли не только держать её в своей кровати, но и лежать там рядом с ней. Её голос ещё раз пронизывает моё тело и позволяет холодку скользнуть по моему позвоночнику. Я бы многое отдал, чтобы она читала для меня.

Я разворачиваюсь к ней лицом, единственный свет в комнате от огня позади меня.

— Ты должна раздеться, — я вижу её расширяющиеся от шока глаза и понимаю, как прозвучали мои слова. — Я имею в виду, фактически тебе будет теплее в холодную погоду, если ты голый. В смысле ты должна снять пальто и так много одежды, чтобы тебе было комфортно. Это поможет сохранить тепло нынешней ночью в случае большего похолодания.

Вижу её кивок, затем она привстаёт, снимая своё тяжёлое пальто. Я не в состоянии сдержать вырывающийся из меня смех из-за её рождественского свитера. Она смотрит вниз на свою грудь, и,

думаю, я почти могу видеть её румянец при тусклом освещении.

Она тянется рукой под свой свитер, и я слышу щелчок, когда он внезапно загорается. Я на самом деле громко смеюсь и также слышу её хохот, пока комната освещается мигающими огоньками.

— Я должна была подумать о нём, когда ты сказал, что электричество отключили, — мы смеёмся ещё немного, в то время как она снова протягивает руку вниз и, нажав на кнопку, выключает его. — Лучше экономить в случае чрезвычайной ситуации.

Я люблю звук её хихиканья, а

мои щёки болят от улыбки. Не могу вспомнить последний раз, когда чувствовал себя так легко и... Счастливо.

Стараясь не пялиться на то, как она снимает свитер, я иду к другой стороне кровати, сажусь и отворачиваюсь от неё. Избавляюсь от своей рубашки и стаскиваю спортивные штаны, оставаясь только в нижнем белье. Я буду в порядке до тех пор, пока остаюсь на своей стороне постели. Она размера king-size (прим.: ширина больше 180 см), и мне нужно будет пару раз перевернуться, прежде чем мы коснёмся друг друга, поэтому всё

должно быть в полном порядке.

Когда я разделся настолько, насколько, думаю, можно, ложусь на спину и смотрю на потолок. Я чувствую, как моё сердце бьётся тысячу раз в секунду, пока пытаюсь дышать размеренно. Почему это ощущается так, будто я только что пробежал марафон?

Ощуаю движение матраца и слышу шорох верхнего одеяла. О Боже, она в постели со мной. Ноэль в постели со мной.

— Спасибо, Алекс. За всё.

Я закрываю глаза, слушая эти слова, её голос гипнотизирует меня. Внезапно я чувствую, как её

холодные пальцы касаются моей руки и достигают предплечья.

— Знаю, это не то, что ты планировал сегодня вечером, но спасибо за заботу обо мне.

— Всегда, — шепчу я, чувствуя, как её пальцы оставили мою руку, а тишина накрыла нас.

Глава 7.

Нозль

Я просыпаюсь, приклеенная к тёплому огромному телу. Мне требуется мгновение, чтобы вспомнить, где я нахожусь. Воспоминания обрушиваются на меня, но я остаюсь лежать совершенно неподвижно, не желая разбудить Алекса. Снаружи всё ещё темно, и, уверена, узнай он о моём пробуждении, мне придётся отодвинуться от него, отчего я буду очень смущена. Не могу поверить, насколько удобно мне в его объятиях.

Думаю, я без ума от обнимашек.

У меня никогда не было возможности узнать об этом, но теперь всё предельно ясно, ведь я полностью обхватила бедного мужчину рядом. Я не только расстроила все его планы на Рождество, но и захватила постель и каждый дюйм его личного пространства.

И потом я понимаю, что действительно обхватила его везде, где могла. Одна нога перекинута через него, а ещё совершенно очевидно, что я лежу на чём-то очень большом... И очень твёрдом. Значит ли это, что он проснулся? У мужчин бывает эрекция во сне? Пытаюсь

вспомнить миллион романтических новелл, которые я читала и рассказывала, как будто бы все эти истории происходили в реальной жизни. Ничего не припоминаю про эрекцию во сне, потому что ничего и не читала об этом.

Я слегка ворочаюсь, двигая своей ногой, и Алекс хрипло стонет. Застываю, как идиотка, тем самым выдавая себя. Жду, но тишина затягивается, никто из нас не зовёт другого.

Я бы хотела остаться неподвижной, но моё вероломное тело выдаёт меня, желая услышать тот звук снова. Трусь об него,

нуждаясь в ощущении того, как тепло его тела проникает в меня. Чувствуя, как глубоко проникаю в его жар, я думаю, что никогда не выберусь. Теперь я никогда не буду опять одна.

В мгновение я оказываюсь на спине. Огромное тело Алекса на мне, и он прячет лицо в изгиб моей шеи. Он такой большой по сравнению со мной, что я полностью накрыта им. Страх не поражает меня из-за внезапного изменения положения. Сильное желание волной проходит по моей спине, переполняя меня. Это не похоже ни на что испытанное мною прежде, и я сразу же предаюсь этому чувству.

Я приподнимаю бёдра, нуждаясь в контакте, и позволяю ногам раскрыться ещё шире.

— Пожалуйста. Ты должна остановиться, — его голос кажется придушенным и практически болезненным, но по определённым причинам я не могу остановиться.

Как будто я больше не в силах контролировать своё тело. Может быть, это то, что происходит, когда ты так долго оставляешь себя без физического внимания. Необходимость в человеческом контакте становится сильнее, когда у тебя есть контроль.

Я хватаюсь за его бицепсы, и

мои ногти сильно их царапают. Просто мне нужно немного больше давления. Он так близко, что я чувствую это. Я толкаю свои бёдра к нему, пользуясь им для своего удовольствия. Я трюсь своей женственностью о его мужественность, но он остаётся абсолютно неподвижным. Алекс держится крепко и устойчиво, но я двигаю своими бёдрами под нужным углом, и это всё, что мне требуется. Я взрываюсь: его имя вылетает из моих губ и наполняет тихую комнату. Изысканное наслаждение ниспадает каскадом по моему телу, пока тепло растекается между нами.

Держусь за него настолько крепко, будто он может испариться, если я отпущу его. Не желая забывать этот момент, я цепляюсь за него. Так долго я мечтала о теле Алекса над моим, а сейчас это свершилось, и я не могу дать этому закончиться. Дистанция, на которой он постоянно держал меня, исчезает в настоящий момент, и я собираюсь насладиться этим.

Когда начинаю приходить в себя, я осознаю, что натворила. Я просто тёрлась об него для собственного удовольствия. Слышу и чувствую его тяжёлое дыхание на моей макушке: наши тела с трудом вдыхают воздух,

звуками наполняя тишину, которая, кажется, нависла над нами навсегда. Та тишина, которую я хочу наполнить словами, но не могу выдавить их из себя.

А потом он ушёл. Его жар покинул моё тело, забирая всю теплоту с собой, тогда как Алекс вылетел из постели. Одеяло, что укрывало нас, валяется на полу. Прохладный воздух оставляет мурашки на моём теле. Не сказав ни слова, он выбегает из комнаты, хлопая дверью так сильно, что я, клянусь, чувствую, как трясётся кровать.

— Святое дерьмо, — шепчу я

сама себе.

Вот тогда я ощущаю влажность, покрывающую моё нижнее бельё.

Он кончил.

Я думала, оргазм — это хорошее событие. Очевидно, Алекс не рад ему. Он вылетел из комнаты, будто его задница в огне. О Боже мой. Я принудила его? Подождите, я была под ним. Возможно ли принудить кого-то, находясь под ним?

Я переворачиваюсь, зарываясь лицом в подушки. Могу ли я чувствовать себя ещё более неловко? Да что со мной не так? Могла ли я стать ещё более приставучей? Я была слишком счастлива попасть в его

постель и обнажиться по его просьбе. Немного застенчивая в тот момент, но это не препятствовало мне, когда я скидывала свою одежду и прокрадывалась в его кровать. Я предложила присоединиться ко мне после того, как он, похоже, захотел спать на долбаном полу.

«Это была подсказка тебе, Ноэль».

Расстроенная, я хватаю подушку и швыряю её через всю комнату. Сажусь и прислоняюсь к спинке кровати, пытаюсь придумать выход из этой ситуации. Возможно, я смогу ускользнуть утром.

Это всё так запутано. В одну

минуту я чувствовала, что он хочет быть рядом со мной, что жаждет меня так же, как я его. А в следующую меня будто окатили холодной водой.

Я помню, как он ощущался на мне и как это было правильно. Как крепко мои руки удерживали его, не желая никогда отпускать. Шрамы под кончиками моих пальцев. Шрамы.

Всё встаёт на свои места. Он не взглянул на меня. Сердце сжимается в груди. Неужели Алекс думает, что я такая пустышка, или шрамы на самом деле его настолько тяготят? Я не видела его тело целиком, но то, что попало мне на глаза, что

удалось почувствовать, идеально. Не имею ни малейшего понятия, как он может сомневаться в себе. Он абсолютное мужское совершенство.

У меня тоже есть недостатки. Может, у меня и нет шрамов, но я ношу свои отметины. Я не имею такого идеально накачанного тела, как у Алекса. У меня широкие бедра и жирные ляжки. Меня нельзя назвать симпатичной или сексуальной. Может быть, я похожа на милого ботаника, но чаще всего мне кажется, что я подобна мышке. Беспорядочные растяжки клеймят моё тело. Они не как его шрамы, но всё же портят меня, и очень часто я

чувствую из-за них стеснение.

Возможно, я могу продемонстрировать, что это не имеет для меня значения. Ничего из этого. Я влюбилась в него не из-за его внешности. Чёрт возьми, я была почти влюблена ещё тогда, когда ни разу его не видела. Выбравшись из кровати, расстёгиваю лифчик и бросаю его на пол, трусики составляют ему пару. Делаю глубокий вдох, дабы успокоить моё бешено бьющееся сердце, и говорю про себя: «Я справлюсь с этим. Всё или ничего».

Сейчас мне уже нечего терять. Или ему от меня ничего не нужно,

тогда я потеряю его навсегда, или он всё-таки заинтересован, но слишком боится действовать. Я могу показать Алексу, что хочу его, раскрывшись перед ним точно так, как хочу, чтобы он раскрылся передо мной.

Встав перед дверью, я ещё раз проговариваю про себя: *«Хватит витать в облаках, иди и возьми то, что ты хочешь»*. Потянув за ручку, лицом к лицу я встречаюсь с Алексом. Обеими руками он упирается в дверной косяк, и его высокое тело возвышается надо мной.

Я ахаю, глядя на его лицо.

Голод, жажда, нужда. Всё это в

его глазах, которые блуждают по моему обнажённому телу перед тем, как остановиться на лице. Зловещие на вид шрамы на левой части его лица спускаются до шеи. Похоже, со временем они затянулись, но до сих пор причиняют неудобство.

Я тянусь рукой, пытаюсь коснуться его, но он уже притянул меня к себе. Он поднимает меня на руки. Мои ноги болтаются, не касаясь пола, в то время как его губы впиваются в мои. Весь тот голод, отражённый в глазах Алекса, просачивается через его поцелуй. Язык толкается в мой рот, забирая всё, чего он хочет. Никогда не

догадывалась, что можно столько всего почувствовать через поцелуй. Что он один может сказать всё.

Алекс хочет меня. Это ощущается в его поцелуе. Он притягивает меня ещё ближе, будто пытаюсь окутать своё тело мной. Я теряюсь в нём. Я знаю — с этого момента никогда не буду прежней. Чувствую это каждой фиброй своей души. Я — его.

Ощуцаю спиной кровать, а его крупное тело снова на моём. Его массивные руки прикасаются к моему лицу, удерживая меня, будто Алекс думает, что я попытаюсь увернуться от его губ. Я оборачиваю

руки вокруг него, пока так же отчаянно целую в ответ, молчаливо говоря ему, что никуда не денусь. Что останусь здесь навсегда, если он попросит.

Когда мои ладони начинают блуждать по телу Алекса, желая почувствовать его, он прерывает поцелуй и опять прижимается своим лицом к моей шее. Словно думает, будто мне неприятно трогать его. Я не даю ему отстраниться ещё раз, сразу же обхватывая своими ногами его бёдра, моё обнажённое тело так тесно прижато к нему, что если вдруг он попытается рвануть из комнаты, то прихватит и меня с собой.

— Посмотри на меня.

Глава 8.

Алекс

Крепко зажмурив глаза, я борюсь с желанием удержать лицо в ложбинке её шеи. Не могу смотреть на неё, но и отказать ей в просьбе тоже не могу.

Я гляжу в её красивые, ласковые, карие глаза, позволяя ей увидеть меня. Всего меня. Её взгляд встречается с моим, и я жду, пока он опустится вниз по моему лицу к шее. Она осматривает каждую отметину, затем медленно тянется кончиками пальцев к моему лицу, нежно касаясь каждого шрама. Закрыв глаза, я дышу

её запахом, пока она исследует меня.

Удерживать её под собой и потираться твёрдым членом о её киску стало моей гибелью. Ранее, впервые почувствовав её движение, я не смог контролировать себя и придавил её собой прежде, чем подумал о том, что делаю. Я уже был на взводе, когда во время сна она обернула меня своим маленьким компактным телом. Это будто бы было для неё самым естественным действием в мире. Потом, когда она тёрлась об мой ствол до оргазма, я кончил на неё. Головка члена выглянула из-под пояса моих трусов в то время, как Ноэль двигалась вверх

и вниз, тем самым обнажая часть меня. Почувствовав её жар через своё нижнее бельё и затем спазмы кульминации, я прижал член к её скрытому трусиками клитору и кончил вместе с ней. Оргазм был быстрым и неожиданным, но не сделал ничего, чтобы утолить моё желание к Ноэль. Он стал лишь маленькой каплей из фонтана потребности, испытываемой мной по отношению к ней. В действительности он только усилил эту нужду.

Вылетев из спальни, я тут же пожалел о её оставленном тепле и, развернувшись, схватился за дверную

раму, тем самым сдерживая себя, дабы не пойти обратно. Я не хотел пугать её. Не только тем, как выгляжу, но и тем, что был своего рода животным и так кончил на неё. Но, чем дольше я стоял там, тем больше понимал: Ноэль хотела меня. Она, возможно, ещё не заметила худшее во мне, но во сне потянулась ко мне. И когда проснулась, она всё ещё хотела быть рядом со мной.

В то время как я решился открыть дверь, она уже стояла там совершенно обнажённая. Я не остановился, чтобы подумать над тем, что делаю. Просто подхватил её и отнёс обратно в постель. Я

нуждался в ней под собой, чего бы мне это ни стоило.

Как только чувствую её пальцы,двигающиеся вниз по моей груди, я открываю глаза, чтобы снова посмотреть на неё. Прижав твёрдый, скрытый в трусах член к её голой киске, я опускаюсь на неё, нуждаясь в ещё одном освобождении.

— Алекс, — шепчет она, потирая обеими руками мою грудь.

— Я столько всего хочу тебе сказать, Ноэль. Не знаю, с чего начать, — все эти слова и эмоции проходят сквозь меня, и я определённо путаюсь.

Я хочу грубо оттрахать её на

каждой доступной поверхности, а затем заняться с ней любовью в тех же самых местах. Хочу сказать ей, как сильно мне она нужна и как сильно я пристрастился к ней, но не хочу, чтобы Ноэль отвергла меня. Мне необходимо украсть это время у неё, прежде чем она выяснит, как на самом деле я стремился к ней, и покинет этот дом.

— Займись со мной любовью, Алекс. Пожалуйста.

Её глаза встречаются с моими, и я могу видеть в них нужду. Я также вижу что-то ещё, но не знаю, что это такое. Похоть? Нечто более сильное?

— Я... Ноэль.

— Не заставляй меня умолять,
— она мягко улыбается, проводя ладонями по моим волосам и затем по лицу. Внезапно Ноэль успокаивается, обхватывая меня крепче. — Я никогда раньше этого не делала, но ты мне нужен, Алекс. Я чувствую это в глубине души. Я нуждаюсь в тебе внутри меня.

Блядь.

Её слова не должны были сломать меня, но они делают это. Осознание того, что она хочет часть меня внутри своего тела, что я возьму её первым. А также буду последним, если я могу добавить к этому что-то. Может, получится привязать её ко

мне. Оставить кое-что моё внутри неё, и таким образом она никогда не освободится от меня.

Склонившись, я страстно целую её, говоря ей своим телом то, что не могу сказать словами. Следую поцелуями по её подбородку и шее, лижу впадинки её ключиц и прохожусь там зубами вдоль чувствительной кожи. Я чувствую её дрожь подо мной, пока спускаюсь ниже, облизывая каждый её сосок и прикусывая плоть её груди. Мои большие ладони стискивают их вместе, одинаково лаская каждую.

Стоны Ноэль заполняют комнату, и я трепещу от её голоса. Он

такой эротичный и чувственный. Как будто все фантазии, которые возникали во время её чтения для меня, стали реальностью.

— Скажи мне, Ноэль. Скажи мне всё, что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя. Я пристрастился к твоему голосу.

По мере того, как я облизываю её живот, продолжая пощипывать её соски, как двигаюсь ниже, она начинает говорить мне, чего хочет:

— Пожалуйста, Алекс. Я нуждаюсь в тебе между моих бёдер: вылижи мою киску. Не дразни меня. Я так близка, чтобы кончить лишь потому, что ты на мне.

Звук её голоса снова поощряет меня и делает невероятно твёрдым. Я опускаюсь между её ног, плечами раздвигая бёдра и освобождая место для моего большого тела.

Прижав лицо к киске, я вдыхаю её сладость. Её нижние губки уже липкие от прошлого оргазма и влажные от нужды. Я высовываю язык и, упёршись им в её клитор, долго вылизываю его. Стоны Ноэль становятся громче и громче, пока я пробую её нектар, вкус которого покрывает мой язык и усиливает зависимость. Рычу напротив её киски, думая о том, что та девственна и что Ноэль хочет, чтобы

я был тем, кто возьмёт её в первый раз.

Понятия не имею, как кто-то настолько совершенный нетронут. Как же ещё никто не сделал её своей? Я запрю её в своём доме и никогда не отпущу.

Переместившись чуть ниже, я ввожу в неё язык, ощущая тугие объятия её нуждающейся киски.

— Детка, не знаю, подойду ли тебе, — произношу я, целуя внутреннюю сторону её бедра, и поднимаюсь обратно, чтобы пососать клитор Ноэль.

— Блядь! — вскрикивает она, когда мои действия заставляют её

изогнуться дугой на кровати. — Я справлюсь. Я нуждаюсь в тебе, Алекс. Пожалуйста.

Лишь немного прикусив её клитор, несколько раз я слегка щёлкаю по нему языком, прежде чем чувствую, что она начинает напрягаться. Только Ноэль приближается к оргазму, как я вставляю два толстых пальца в её щёлку. Тру сладкую точку внутри неё, и мне хватает всего пары движений, чтобы она кончила мне в рот и на мои пальцы

Она тянется вниз, стискивая руками мои волосы и громко крича, когда сильный оргазм пронзает её

тело. Её киска сжимается вокруг моих пальцев, но я не сдвигаюсь, продолжая потирать и сосать её.

Вкус её кульминации даже слаще прежнего, и в ответ мой член сочится предэякулятом. Он хочет, чтобы её сладость покрыла и его.

После того, как выжал всё из её оргазма, я дарю последний поцелуй нежному клитору Ноэль и поднимаюсь вверх по её телу. Я стаскиваю своё нижнее бельё, пока двигаюсь, избавляясь от него, желая быть голым с ней. Как только мой обнажённый член ровняется с её входом, мне приходит в голову, что раз она девственница, то, вероятно,

не предохраняется.

Я обхватываю основание своего ствола и придерживаю его, пока смотрю ей в глаза. Лоб Ноэль покрыт лёгким блеском пота, а её щёки румяные после мощного оргазма.

— Я хочу тебя без препятствий, Ноэль. Ничего между нами. Я позабочусь о тебе, если ты забеременеешь, но не хочу использовать презервативы с тобой. Никогда, — она смотрит в мои глаза, спустя секунду облизывает губы и кивает. — Прежде я ни разу не трахался без защиты, но не желаю, чтобы между нами что-то присутствовало.

Она снова кивает. Знаю, что я чист. У меня никого не было уже несколько лет. Не возникало и желания после того, как я впервые услышал голос Ноэль. С тех пор я знал, что иначе быть не может. Думал, никогда не смогу завладеть ею, и планировал соблюдать целибат до конца своих дней, ибо был уверен, что никогда не захочу другую.

Я чуть наклоняюсь, таким образом она не пропустит мои слова:

— Также я не хочу выходить. Как только буду внутри твоей киски, я кончу в тебя.

Она задыхается, но в очередной раз кивает. Чувствую, как её бёдра

приподнимаются в приглашении, и надеюсь лишь на то, что моё семя задержится в её матке и я навсегда свяжу нас вместе.

Надавливаю своим членом на её щёлку и с первым прикосновением её жара жёстко вонзаюсь, одним движением прорываясь через её девственную плеву. Я не хотел продлевать ей боль, поэтому подумал, что лучше всего будет, если сорвать её вишенку одним толчком.

Почувствовав под собой её напряжение, я задумываюсь, правильно ли всё сделал. Расставляю локти по обе стороны от головы Ноэль, потираю ей лоб и пытаюсь

успокоить поцелуями. Через некоторое время боль, кажется, ослабела, и Ноэль начинает сжиматься вокруг меня.

Её киска туже, чем всё, что я когда-либо ощущал, и она стискивает меня почти до боли. Я должен стиснуть зубы и бороться с самим собой, не желая кончить слишком рано.

Начинаю вбиваться мелкими, неглубокими толчками, полностью погружаясь в неё и выходя обратно. После нескольких ударов Ноэль стонет и царапает мне спину, умоляя двигаться жёстче. Я зарываюсь лицом в её шею и даю то, что ей

хочется, в то же время стараясь не кончить чересчур быстро.

Чувствую её обёрнутые вокруг моей талии ноги, тогда как пятки упираются в мою задницу. Я стону от ощущений того, каково мне в её тугом теле. Звук нашего липкого и сногсшибательного секса такой громкий в тихой спальне.

— Боже, Ноэль, — снова целую её так, как никогда раньше, пытаюсь показать ей то, что чувствую я.

Её киска стискивает меня в последний раз, когда её тело взрывается освобождением. Я глотаю крики Ноэль, желая вобрать её страсть, пока вколачиваюсь в неё, и

достигаю собственной кульминации. Чувствую, как сперма выстреливает из меня в неё, в то время как её киска доит мой член. Моё семя обволакивает её незащищённую матку, возможно, зачиная ребёнка, чтобы связать нас двоих.

Эта мысль заставляет меня спустить в неё ещё больше спермы — хочу сделать её своей во всех смыслах.

Как только мы оба успокаиваемся после нашей кульминации, я мягко целую её губы и улыбаюсь ей. Чувствую себя так, будто плыву, и в то же время я полностью выдохся.

Не желая выходить из неё, я перекаत्याю нас так, что моё большое тело не придавливает её. Ноэль лежит на моей груди, а я играю с её волосами, нащёптывая ей обо всех способах, какими сегодня ночью собираюсь любить её тело.

Глава 9.

Ноэль

— Это было... — я замолкаю, подыскивая слова.

Моё тело ощущается как желе, и у меня совсем нет желания покидать это место до конца жизни. Его член всё ещё глубоко во мне, и он такой же твёрдый, каким был во время первого проникновения.

— Совершенно, — заканчивает за меня Алекс, притягивая мой взгляд к себе.

Я вижу танцующий в его синих глубинах огонь. «Совершенно» подходит, но это было нечто большее.

Всё чувствуется так... Судьбоносно. В этот раз он удерживает мой взгляд, не отводя глаз, тем самым предоставляя мне достаточный обзор своего лица. Пламя даёт комнате свет, позволяя мне увидеть всё, что Алекс пытался скрыть.

Не хочу таиться. Я устала от этой игры. Так же, как тогда, когда разделась и пошла за ним, я собираюсь бросить свои карты на стол. Всё или ничего. Не смогу вернуться к тому, что у нас было раньше. Меня разорвёт на части даже не только работа на него, но и вынужденные ежедневные звонки ему, тогда как я не с ним. Нет

обратного пути. Я просто прыгнула со скалы и молюсь, что он собирается поймать меня.

— Я мечтала об этом так долго, — его глаза слегка расширяются после моих слов, будто он в шоке от них.

Я без долбаного понятия, как он этого не осознаёт. Любая живая женщина захотела бы его. Он красив в том мужественном, грубом смысле. Шрамы лишь способствуют его привлекательности. После всех прочитанных любовных романов, кажется, я нашла собственного нежного, испуганного и задумчивого героя. Я хочу удержать его и хочу,

чтобы он желал удержать меня тоже.

Он кое-что говорил, когда мы занимались любовью. Сколько из этого было лепетом под влиянием момента, а сколько правдой?

— Я нуждался в тебе с тех пор, как впервые услышал твой голос. Ещё до того, как ты узнала о моём существовании, — признаётся он.

Слова, произнесённые Алексом в момент нашего занятия любовью, звучат в моей голове: *«Скажи мне, Ноэль. Скажи мне всё, что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя. Я пристрастился к твоему голосу».*

— Ты пристрастился к моему голосу?

Он фыркает:

— Ага, — Алекс перекатывает нас, так что я снова оказываюсь под ним. — Твой голос стал началом. Сейчас же я думаю, что увлёкся каждой частью тебя. Твоими глазами, губами, невинностью, телом и тем, как ты можешь разговаривать со мной часами и просто даёшь мне слушать. Тем, как тебе комфортно в тишине и как твоё дыхание каждый раз прерывается небольшим вздохом, когда ты читаешь и герой произносит: «Я люблю тебя». Всё это. Каждую часть. Я мог бы продолжать в течение нескольких дней.

— Но ты... — я собираюсь с мыслями, пытаюсь всё расставить по местам. Многое из сказанного так долго казалось односторонним. — Я не думала, что ты хотел меня.

— Ощущается ли это так, будто я не хочу тебя? — его член слегка выскальзывает из меня и толкается обратно.

— Ты мужчина. Ветер делает тебя жёстким, — дразнюсь я, покачивая бёдрами и желая, чтобы он сделал это снова.

— Я не возбуждался после аварии, пока не услышал твой голос. Теперь не представляю, как перестать быть твёрдым.

Улыбка на его лице даёт мне знать, что, кажется, он не беспокоится об этом ни в малейшей степени.

Это не должно делать меня счастливой, но всё же делает. То, что у меня есть некоторая особая сила, что только я могу возбудить его, радует.

— Что случилось? — потянувшись вверх, я прикасаюсь к одному из его шрамов, а он льнёт к моей ладони, страстно желая чувствовать меня.

— Неправильное место, неправильное время. Меня сбила машина.

— О Боже, — ужас наполняет мой голос, но Алекс проводит большим пальцем по моей щеке, успокаивая меня.

— Я в порядке. Это случилось несколько лет назад, — говорит он, его голос лишён эмоций.

— Так вот почему ты так далеко, в центре почти ничего?

Я знаю, что его компания довольно крупная и что у него есть несколько человек, работающих на него. Иногда мне приходится иметь дело с ними.

— Поначалу да. Теперь же мне это нравится всё больше. Жизнь не такая загруженная. Мне нравится

тишина гораздо больше, чем я думал.

Мне знакомо это чувство. Я всегда была домоседкой. Я живу в городе, поэтому время от времени встречаюсь с людьми. Уверена, будь у меня такой же красивый дом, я бы, наверное, никогда не увидела другой души, пока бы моя мама не приехала и не вытащила оттуда брыкающуюся и кричащую меня.

— Разве ты не одинок?

— Был сперва. Потом я нашёл тебя.

— Лжец, ты едва ли разговаривал со мной, — я игриво шлёпаю его по руке.

— Я не говорю много, потому

что хочу слушать тебя. Если говорю я, то ты нет.

— Но мне тоже нравится тебя слушать.

— Тогда, если это делает тебя счастливой, я буду болтать до тех пор, пока не смогу вымолвить ни слова. До тех пор, пока ты остаёшься здесь со мной.

— Ты хочешь, чтобы я осталась с тобой здесь? Как бы на праздник? — моё сердцебиение учащается, и мне интересно, что он скажет.

— Да, на праздник, — он замолкает на секунду, и я вижу, что подобие сомнения появляется в его глазах. — И после.

— После? — подталкиваю я, желая узнать больше.

Недосказанность зависит передо мной так близко, что я могу почти её схватить. Я нуждаюсь в его словах и в том, чтобы он попросил меня остаться.

— Навечно, — произносит он в итоге, и я понимаю, что Алекс взволнован тем, что может быть сказано мной. Моя грудь наполняется теплом, но это чувствуется слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Всё слишком быстро? — знаю, глупый вопрос.

Чёрт, мы только что занимались незащищённым сексом. Пока мы

беседуем, наш ребёнок уже может расти внутри меня, но мне необходимо, чтобы он дал мне больше. Он столько всего скрывает от меня. Я хочу знать, что мы на одной и той же странице, что он без ума от меня так же, как и я от него.

— Я сделаю тебя чертовски счастливой, Ноэль. Уверен, ты идеально мне подходишь. Я слушал твоё чтение часами напролёт. Ты для меня. Я знаю это в глубине души и проведу каждый день, демонстрируя тебе, что и я для тебя. Что мы принадлежим друг другу.

— Почему ты не используешь мои аудиозаписи?

Этот вопрос вертелся на языке, и после всех милых слов, которые Алекс мне сказал, он единственный по-прежнему не сходил. Ему так сильно нравился мой голос, и он использовал меня для стольких проектов...

Алекс краснеет в ответ на мой вопрос, будто смущается.

— Я-я... *Дерьмо*, — он смахивает несколько локонов с моего лица. — Мне не нравилось то, что другие могут слушать, как ты говоришь о тех сексуальных вещах в записях. Я хотел, чтобы это было только моим.

— Ты сохранил их для себя?

У него должен иметься спрятанный запас моих записей. Не знаю почему, но это очаровательно мило. Интересно, что он с ними делает. Позже я обязательно спрошу у него.

— Боже, из-за этого я кажусь сумасшедшим, но да, я сохранил их для себя. Очевидно, я делаю много всего, чего не должен, когда это касается тебя, — он произносит это так, будто у него есть ещё несколько секретов, и я хочу их знать. Если мы делаем это, так резко уходя с головой в отношения, мне необходимо знать всё.

— Есть ещё что-то, о чём мне

нужно узнать?

Это должно меня взбесить, но от мысли, что он был моим сталкером, внутри разливается тепло. Что все эти грязные секретики обо мне исключительно для него.

Его хватка усиливается, будто я могла бы попытаться уйти от него.

— Я провёл проверку, когда впервые нашёл тебя. Изучил всё, что мог. Также, возможно, я нанял кое-кого, чтобы следить за тобой для меня.

— У тебя был кто-то, кто наблюдал за мной?

Теперь я не могу поверить в это. Наблюдение за мной, должно быть,

самая скучная работа в мире. Я, вероятно, покидала дом раз в неделю просто для того, чтобы сходить в магазин. Всё остальное я получаю посредством доставки прямо до моей двери.

— Я волновался, что кто-то похитит тебя, — отвечает он с безусловной уверенностью. Он произносит это так, будто существует реальная вероятность того, что кто-то действительно собирается прийти и забрать меня.

— Похитить меня? — я даже не знаю, что делать с этим.

— Да. Если бы я встретил тебя, я бы схватил тебя и никогда бы не

позволил другому мужчине находиться рядом с тобой. Я испугался, что ты познакомишься с кем-то и тогда... — его слова обрываются.

Алекс даже не хочет заканчивать предложение. Вижу нерешительность на его лице. Он боится, что теперь, узнав правду, я сбегу от него. Но его хватка на мне не позволит выбраться, даже если бы я захотела этого.

Нет. Теперь он никогда не избавится от меня.

Глава 10.

Алекс

— Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь оставила меня, Ноэль. Я даже на секунду не могу вынести мысли о том, что не смогу обладать тобой теперь, когда ты подо мной.

Она улыбается мне настолько широко и лучезарно, будто может чувствовать то же самое, что я всегда испытывал по отношению к ней.

— Это безумие, — говорит она мне, приподнимаясь для быстрого поцелуя. — Я чувствую это притяжение между нами и никогда не ощущала ничего подобного

раньше. Это... Это...

— Любовь, — заканчиваю я за неё.

— Любовь, — вторит она, и мы смотрим друг другу в глаза.

Мягко толкнувшись в Ноэль, на этот раз я стараюсь брать её нежно. Менее торопливо и менее испуганно из-за исчезающего момента.

Я страстно целую её и шепчу мои обещания преданности и страсти. Затем мы вместе достигаем кульминации: её имя на моих губах, а моё на её; я баюкаю Ноэль в своих объятиях и держу, пока она спит, чувствуя себя впервые в жизни счастливым внутри и снаружи.

Я тянусь к ней каждый час на протяжении всей ночи, занимаясь любовью множество раз, пока изнеможение не уносит нас обоих в сон. Большую часть раз я просыпаюсь по-прежнему внутри неё, и один раунд страсти переходит в другой.

Её киска, должно быть, воспалена, но Ноэль продолжает льнуть ко мне, как и я прижимаюсь к ней. Ни один из нас не хочет разъединяться.

Когда первые лучи солнца пробиваются сквозь стекло, я целую её плечо и утыкаюсь носом в её шею.

— Счастливого Рождества,

Ноэль.

Улыбаясь, она поворачивается в моих объятиях лицом ко мне, целует в шею и зарывается глубже в меня.

— Счастливого Рождества, Алекс.

— У меня есть для тебя подарок.

Ноэль слегка приподнимается и смотрит на меня. Её волосы в беспорядке, и она всё ещё полусонная, но оживает при слове «подарок».

— Ты купил мне рождественский подарок? Откуда ты вообще знал, что я могу приехать сюда?

— Я не знал. Я купил его и

решил отправить тебе, но струсил. Потом я подумал, что, возможно, сохраню его до дня рождения.

Я немного краснею, чувствуя себя глупо из-за этой идеи, но Ноэль тепло улыбается, наклоняется и целует меня в щёку. Я поворачиваюсь, чтобы выбраться из кровати, не желая оставлять её жар, но желая сохранить эту улыбку на её лице, и чувствую сильную боль на своей заднице.

— Ауч. Ты только что шлёпнула меня?

Обернувшись, я вижу, что она сидит на кровати с одеялом вокруг талии, её полные груди оголены,

озорной взгляд на лице, и она лишь кивает мне.

— О, око за око, детка.

Я ныряю обратно в постель, и мы хихикаем, когда я борюсь с ней, шлёпая её три раза по попке. Её визг неожиданно переходит в стон, в то время как я наклоняюсь и целую её туда, где моя рука оставила слабый розовый след.

— Ты хочешь ещё или хочешь свой подарок?

— И то и другое, — говорит она в подушку, и я кусаю её за ягодицу, давая ей то, что она просит.

Я взбираюсь на Ноэль, тогда как она остаётся лежать на кровати

лицом вниз. Слегка разведя её ноги, я проталкиваюсь сзади в её щёлку, и, так как в этом положении её вход туже обычного, мне нужно приложить усилие для проникновения в неё.

Она приподнимает свою попку, давая мне полный доступ, и я скольжу без труда. Как только полностью погружаюсь в её тесный канал, большая часть моего веса оказывается поверх неё, и тогда я начинаю двигаться. Длинные, глубокие удары делают этот угол проникновения для неё восхитительным, и она стонет громче и громче.

Даже после всех наших раундов страсти мой член по-прежнему твёрдый как скала, и я снова готов кончить в неё. Не знаю, смогу ли когда-либо насытиться ею.

Задевая её сладкую точку внутри, я убеждаюсь в том, что каждый толчок даёт ей наибольшее возможное удовольствие и она скоро стиснет меня. Я целую её шею и покусываю плечо, и сверхчувствительная кожа Ноэль реагирует.

Она хватается за простыни и выкрикивает своё освобождение, когда я достигаю вершины внутри неё. Позволив своему семени

пролиться, я в очередной раз накачиваю её незащищённую матку. В этот момент Ноэль заполнена, и у меня нет никаких сомнений, что мой ребёнок в ней.

После того как её подёргивания прекращаются, выхожу из неё и переворачиваю. Я целую каждый сосок, прежде чем спускаюсь ниже её живота и целую клитор. Нежно приласкав её сладкие местечки, я встаю, иду в гостиную и выхватываю из-под ёлки её подарок.

Я возвращаюсь и обнаруживаю её в том же месте с гигантской улыбкой на лице. Я посмеиваюсь, усаживаясь на кровать рядом с ней и

протягивая маленькую коробочку.

Привстав, Ноэль берёт подарок, и глаза у неё мерцают от волнения, когда она вскрывает её. Как только сорвана бумага, она открывает длинный тонкий футляр и вынимает цепочку.

— Что это? — спрашивает она, держа на ладони золотое кольцо.

— Фактически это твой голос, — когда она смотрит на меня вопросительно, я указываю на волнообразные подъёмы, которые проходят в середине цепочки. — Слушая твои записи так много раз, думаю, я их запомнил, так что взял несколько слов и облачил эти

звуковые волны в золото. Три небольшие строчные секции показывают те слова, которые я больше всего любил слышать от тебя.

Она смотрит на меня с непролитыми слезами в глазах.

— О чём в них говорится?

— Я люблю тебя.

Она бросается в мои объятия, прижимаясь ко мне. Я так же яростно вцепился в неё, желая, чтобы она знала, что я говорю правду.

— Я тоже тебя люблю, Алекс.

Я притягиваю её ближе, целую и утирая ей слёзы.

— Я полюбил тебя с того момента, когда услышал твой голос.

Спасибо за то, что приехала сюда и
стала моим рождественским чудом.

Эпилог.

Нозль

Рождественский Сочельник,

пять лет спустя.

— А если не будет света? — спрашивает Николас с лёгким страхом в глазах.

— Твой отец — величайший лесоруб, который когда-либо жил. Он не позволит чему-либо произойти с нами. Кроме того, если электричество отключат, мы проведём Рождественский ужин перед камином. Это должно быть весело, — его глаза проясняются от такой идеи, и я целую его в лоб,

подворачивая одеяло. — Доброй ночи, любимый мой. Поспи. Санта будет здесь очень скоро.

— Спокойной ночи, мамочка. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Я закрываю дверь в его комнату и спускаюсь вниз. В нашей спальне нахожу Алекса, вытаскивающего железную дорогу от Санты, которую Николас попросил на Рождество.

— Он спит?

— Даже близко нет. Лучше немного подождать, прежде чем мы положим это. На всякий случай.

Алекс кладёт игрушку и подходит ко мне с соблазнительным

блеском в глазах:

— Хм. Интересно, чем бы таким нам заняться, пока мы ждём. На что мы можем потратить это свободное время?

Я хихикаю и растворяюсь в нём, обожая чувствовать его напротив себя. Мы живём здесь, в нашем домике, в течение последних пяти лет, и каждый день, что мы вместе, лучше, чем предыдущий. Я всё ещё безумно люблю своего мужа, и если он не может держать свои руки подальше от меня, значит, он чувствует то же самое.

Наш маленький мальчик, Николас, появился на свет через

девять месяцев после нашего первого совместного Рождества, и мы решили подождать некоторое время и посмотреть, захотим ли ещё детей. Алекс и я — простые люди, и мы не хотим большую семью. Несколько лет прошло после рождения нашего сына, и мы решили, что наше трио идеально.

— Мне кажется, ты собирался пожарить зефир? — я издаю стон, когда язык Алекса встречается с моей ключицей.

— Вот что я тебе скажу. Ты позволишь мне полакомиться твоей киской, а потом я сделаю тебе зефир.

— Похоже, ты даже не

пытаешься что-нибудь выиграть здесь, — я смеюсь, позволяя ему расстегнуть мои джинсы.

— Детка, у меня есть ты. Всё самое важное я уже выиграл.

Мой смех превращается в ещё один стон, когда Алекс становится передо мной на колени, целуя все правильные места.

Он так подходит мне, что иногда в это даже не верится. Возможно, я почитаю ему сегодня вслух новую книгу Руби Диксон «Праздник на Ледяной Планете». Он ждал последнюю Варварскую историю, и ему понравится, когда я доберусь до сексуальных сцен.

Я закрываю глаза и улыбаюсь,
думая, что это может быть нашим
лучшим Рождеством.

Конец.

